

НАША СТРАНА

Год издания 59-й. Буэнос Айрес, 5 мая 2007

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 5 de mayo de 2007 No. 2819

СОВЕТОИДНАЯ ВЛАСТЬ И КРАСНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Некоторые полагают, что я неправильно оцениваю и власть, и оппозицию. Кто-то всерьез считает, что власть у нас – «либерально-буржуазная». Кто-то – что оппозиция «правая». Переубеждать не стану, но свое мнение охотно поясню.

Почему власть «советоидная»? Она и официально, и реально является не только «правопреемником», а просто продолжателем советского режима (подобно тому, как женщина, сменившая фамилию при браке, остается сама собой). Она признает как общее правило законными и действующими все установления коммунистического режима (за редчайшими и особо оговоренными исключениями) и – ни одного, действовавшего в исторической России. Да и своих идеологических симпатий она совершенно не скрывает, откровенно проводя курс на реабилитацию советчины. Странно даже, что такой вопрос возникает.

Почему оппозиция «красная»? Потому что она тоже «родом из Октября», другой на советской почве не возросло. Красными я в соответствии с исторической традицией называю, тех, для кого приземлем (пусть и с оговорками) большевистский переворот и установленный им режим.

Все наши «либералы» – так вы. Гайдар, готовый бросится в объятия коммунистов («которые должны вспомнить о своей интернациональной сущности») после успеха Либерально-Демо-

кратической Партии России в 93 году, «олигархи», стремившиеся примирить Ельцина с Зюгановым, Березовский, собиравшийся создавать социалистическую партию, Хакамада, после изгнания из Думы заявившая, что в сущности, она всегда была левой, журналоги из «Новой» и Ко, льющие слезы по побитым кем-то («уж не ФСБ ли?»). Вот было бы здорово) выродкам из Авангарда Красной Молодежи, Ходорковский, призывающий к союзу с коммунистами против Путина – они и в лучшие для них времена никогда не были «правыми», а в последнее время, заединствуя с КИРПФ против власти, и вовсе стесняются себя так называть (и слава Богу!).

Или Национал-Большевицкая Партия с пресловутым «Сталин, Берия, ГУЛАГ!» и все, кто встал под их знамена – это не красная оппозиция?

Так что борьбу нынешней власти с нынешней оппозицией я рассматриваю как внутривидовую. «наших» там нет. Это только в воспаленном сознании «друзей трудового народа» советские выкорылись из их собственной среды, назначенные старшими товарищами банкирами и предпринимателями, видятся «либералами» и «капиталистами». Эти «либералы» вообще многим мерещатся как кошмар. Того же рода, например, мнение, что они были у власти после февраля 17-го (где-то даже читал, что

триколор – это «флаг февраля»). Но символом Февраля был красный флаг и такой же бант, тогдашние либералы (кадеты с октябристами) не имели тогда ни дня реальной власти и в революционной стихии чувствовали себя едва ли уютнее, чем при Царе, не получив ничего сверх того, что имели при нем.

Никакие «либералы» никогда у нас не правили. Как в 17-м управляли люди лишь немногим менее красные, чем большевики, так и сейчас власть лишь чуть более бледная, чем «натуральная» советская.

Да и откуда взяться у нас этим самым «либералам» и настоящим «капиталистам»? Установись каким-то чудом их власть в 91-м (ну там из зарубежья или хоть с Марса) – это было бы великим благом.

Мне-то лично в «акулы капитала» ходу все равно не было бы, да и симпатии у меня несколько другие, но это была бы одна из нормальных разновидностей власти, а не эксперименты советских ублюдков, продолжающиеся по сей день.

С возможностью действительно либерального развития они закончили в самом начале – в 89-92 гг., лишив 3-4 миллиона людей, способных делать дело, шансов на успех и поставив вне конкуренции несколько тысяч «своих» (далеко не всегда конкурентоспособных в нормальных условиях).

Потому и «капиталисты» у нас весьма специфические, всегда

готовые поменять свой «бизнес» на положение в номенклатуре. Как превратили они свои министерства в акционерные общества, так по первой команде превратят их обратно в министерства «такой-то промышленности», а кто помельче – директорами пойдут.

Настоящие, конечно, существуют (кое-кто пробиться смог), но, скорее, как примеры, а не как явление. Видел вот месяца полтора достаточно крупного предпринимателя-антикоммуниста – так весь день потом хорошее настроение было.

Обычно же иначе. Собирается некое предпринимательское сообщество издавать газету. Приглашает встретиться. Ставится, однако, условие – она не должна... вести антикоммунистическую пропаганду («мы не можем игнорировать мнение четверти населения»).

Ну, раз «не можешь игнорировать» – чего ж ты бизнесменствуешь, прекрати трудящихся-то эксплуатировать. Но нет, хочется, как говорили в Советской Армии, «и рыбку съесть, и...». Такие-то у нас «акулы бизнеса».

Да будь власть такая, какой изображают ее коммуяги, я б первый в ОМОН попросился. Но она не такая, а такая, как они сами.

Поэтому когда они, или кто угодно, ее «порочат» мне ее не жалко.

Москва

С. В. Волков

РУССКАЯ СЛАВА И СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ

В 1947 году вышла книга «В побежденной Германии» В. Сабик-Вогулова, советского офицера, бежавшего на Запад. И. Солоневич откликнулся на нее следующим образом: «...Было принято (за границей – А. Н.) изображать армию, составленную из русских людей, – армию, в поистине невероятных условиях отстаивающую свой народ от превращения его в навоз для удобрения полей высшей расы, как «орду», Сабик-Вогулов покорно выполнил этот «социальный заказ». Далее Солоневич отмечает, что автор книги и ему подобные «за иностранные деньги обливают вонючей грязью весь русский народ.» (Статья «Контур будущего», 1950 год).

О чем же писал Сабик-Вогулов? Главная мысль его книги была в том, что сталинская пропаганда через своего ублюдка Эренбурга (авторский «эпитет») пробудила звериные инстинкты солдатской и офицерской массы. Во-первых, она создала чудовищный образ немецкого захватчика (вещания Эренбурга о якобы сносе немцами православных храмов и их издевательствах над русскими священниками особенно отвратительны автору); во-вторых, под знаком «мести» натаскала советских солдат и офицеров на разбой и бесчинства.

Рассказ Сабик-Вогулова о жизни в оккупированной Германии напоминает уголовную хронику: изнасилования советскими военнослужащими детей

и старух; массовые изнасилования с последующим убийством жертв; избития до смерти женщин и стариков; повседневные грабежи и поджоги, нередко абсолютно бессмысленные; хулиганство, бандитизм, не говоря уже о пьянстве и разврате; изуверское отношение советских начальников к своим же, советским подчиненным.

Сабик-Вогулов упоминает и о попытках командования бороться со всем этим – насковозь лицемерных, так как всем было известно о неподсудности «больших людей», служивших примером безобразия. «Читатель! – уточняет автор. – Вам рассказывается жуткая быль (...), и вы за эту быль не вините русского человека, – русского солдата! Это Сталин и его опричники сделали зверем еще вчера нормального человека.»

Кому же верить: Сабик-Вогулову или возмущенному его книгой Солоневичу? Обжегшись на эмиграции, Солоневич был очень чувствителен к неприязненным отзывам о подсоветских людях. Национал-социалистам он не мог простить их расистскую дубиноголовость. Реальный политик, он постоянно искал ту практическую комбинацию сил, которая привела бы к свержению коммунизма на родине, в частности, старался настроить общественное мнение Запада в пользу России и против Сталина. Возможно, что в тот конкретный момент книга Сабик-Вогулова представлялась ему вредной.

Сабик-Вогулов, со своей стороны, был свидетелем и участником оккупации Германии. Войн без насилия и грабежа не бывает. Но, как подтверждается множеством других источников, бесчинства советских победителей были не единичными и не многочисленными, а массовыми. Поэтому нам не стоит, вслед за Солоневичем, торопиться с обвинениями его в клевете и пресмыкательстве перед Западом.

Книга Сабик-Вогулова объективно наводит на более общие размышления о победе во Второй Мировой войне. В 1814 году, разбив Наполеона, наши войска пришли в Париж. Европейские варвары творили в России – с поправкой на условия той эпохи – злодейства, сопоставимые с немецкими в СССР. Царь призвал своих подданных к дружелюбию; русская армия восстановила законную династию и, не обездолив ни клочка французской земли, вернулась домой. За царским словом стоял высочайший моральный авторитет – и русские не уподобились своим врагам.

Когда Красная Армия еще до конца войны превратила занятую германскую территорию в пустыню, советское начальство спохватилось. Солдатам было приказано не бесчинствовать. За словом Сталина, Жукова и быстро перестроившегося Эренбурга стояли лагеря и пытки. Но даже под их угрозой советские военнослужащие, вырвавшиеся на победный простор, ухитрились урвать для себя что-то от

привольной жизни: они по-прежнему, только более осторожно, грабили и насильничали. Да и как марксистско-ленинская власть могла удержать этих своих питомцев от того, на чем держалась сама, – от беззакония?

Как же относиться к победе и к победителям, вымещавшим свое зверство на женщинах и детях, даже если принять за истину, что эти люди «отстояли свой народ» от гибели? Военно-политические итоги войны комментировались, по счастью, не только советскими, но и антисоветскими авторами. На-пример, Виктором Суворовым и М. Солониным, чьи выводы до сего дня никто не сумел квалифицированно опровергнуть.

Генеральный сталинский план первого удара и захвата всей Европы провалился, но победа закрепила порабощение России коммунистами и изуверчила Восточную Европу.

Колоссальный удар человеческим и естественным ресурсам России нанесла в начале войны гибель гигантской сталинской армии, для создания которой страна была выжата, как лимон, – гибель вследствие концентрации ее для предстоявшей агрессии и вследствие панического бегства сотен тысяч военнослужащих. Следующий удар стране нанесла победа, для которой ее силы были надорваны окончательно.

Но речь здесь идет больше об итогах идейных и нравственных. Власть РФ выкинули лозунг «единства нашей

УМЕР ЕЛЬЦИН

истории».

Стало модно говорить, что в войне с Германией Красная Армия защищала «православное отечество». Это значит, что люди, которых чувство безнаказанности мгновенно превратило в темную орду, якобы были исполнены высокого, духовно окрашенного патриотизма. Это значит, что люди, которые обращались с побежденными, как могут обращаться только агрессоры и безбожники, были якобы почти христоролюбивыми воинами. Очевидно, что их патриотический подъем был возбужден сталинско-эренбургским наркотиком: «святой Русью», «нашими белокаменными храмами», «великой русской нацией» и прочими кощунствами, особенно явными в сочетании с пропагандой животной ненависти ко всем немцам.

Когда действие наркотика прошло, мнимый русский человек снова стал советским. Победа укрепила в нем сознание «практического» марксизма-ленинизма, на котором он был воспитан, т. е. сознание того, что силой можно взять всё. Конечно, среди солдат и офицеров Красной Армии были и истинно русские, и истинно православные люди. Но, как писал тот же Солоневич (хотя и в другой связи): «Я склонен предполагать, что в составе той орды, которую вел на Русь Батый, были замечательно добродушные кочевники, что, однако, никак не меняет моего отношения к орде как к таковой».

Победа есть идейный стержень современного национал-большевизма. Молчаливо или гласно, в зависимости от степени «красноты» того или иного идеолога, ею оправдываются любая подлость и любое зверство. Ею утверждается антиправославный и антирусский культ силы, которая не связана моральной ответственностью.

Национал-большевицкие власти РФ упорно скрепячают русскую славу с советской оккупацией, чем способствуют «обливанью всего русского народа вонючей грязью».

Если советские символы, которые собирается убрать эстонское правительство, в Москве с пафосом именуют «русскими» (кстати, православные храмы и остатки царской символики в Эстонии нигде не оскверняются), то зачем возмущаться обиходным в Прибалтике словосочетанием «русские оккупанты»? Если в самой же Москве русское отождествляют с советским, то как не понять жалобы немцев на то, что «русские» в 1945 году изнасиловали всех, кого только можно, и взяли все, что смогли? И если к этой идейной фальшивке для усиления эффекта пристегивается еще и православие, то что тогда вообще сетовать на беды и несчастья, сотрясающие Российскую Федерацию?

Сегодня власти РФ раздувают победный восторг по следам сталинско-эренбургской пропаганды. Сам факт победы, т. е. разгрома вражеской армии, совершенного «отцами и дедами», вполне удовлетворяет массы в качестве наркотика. Достаточно опьяненные, они уже не заботятся тем, как и для кого была одержана эта победа и к чему она привела страну, тех же «отцов и дедов».

Миф армии – освободительницы от «фашизма», который по жестокости якобы и сравнивать нельзя с советской властью, когда-нибудь рассеется окончательно, как он рассеялся в части Восточной Европы. Дело не в том, чтобы умозрительно рассуждать, как было бы, если бы немцы победили. Дело в том, что пустотелый победный восторг отдаляет Россию от необходимых ей христианского покаяния и духовного оздоровления.

А. НИКОНОВ

Реакция абсолютного большинства людей в Российской Федерации на это событие – полное равнодушие. И не удивительно: в сознании народа Ельцин умер уже давно. Его **политическая** смерть последовала в конце 1999-го, когда первый президент РФ ушёл в отставку и назначил своим преемником подполковника КГБ, тем самым открыто передав страну под управление вчерашних чекистов. Но **гражданская** смерть Ельцина наступила в сознании народа ещё раньше – в то время, когда разлетелся в прах созданный пропагандой миф о «борце с коммунистической номенклатурой» и «защитнике народа», а надежды обернулись разочарованием и... всенародной ненавистью.

После 1999 года драгоценное физическое тело Бориса Николаевича, лишённое президентского статуса, ещё несколько лет где-то существовало, но имя его, ещё недавно проклинаемое в каждом русском селении («Банду Ельцина – под суд!»), быстро позабыли: Россия очутилась перед лицом других временщиков, ещё более циничных, ещё более нахрапистых, и окунулась в пучину новых обманов и бед.

И всем стало не до Ельцина с его пресловутой «семьёй»...

В последние годы о нём почти не вспоминали... Да и сам он не часто напоминал о своём существовании. Выражаясь словами поэта Белого Движения Ивана Савина, «он и живым был безжизненным». Потому россияне, в большинстве своём задавленные бытовыми проблемами и весьма далёкие от политики, услышав о кончине экс-президента, искренне удивились: «А он до сих пор ещё был жив!»

О покойниках плохо говорить не принято. Но политические деятели в этом отношении всегда были исключением: они обречены на посмертные суд и приговор современников и потомков. Труп первого президента РФ ещё не успели предать земле, а всевозможные политические и общественные деятели уже вынесли свои вердикты о роли Ельцина в истории России.

У русских Белых всегда было своё отношение к проводимому Ельциным политическому курсу. Как и для абсолютного большинства нашего народа, Ельцин навсегда останется для нас символом **антинациональной** политики, тоталь-

ного **обмана** и глубочайшего разочарования, одним из главных виновников того, что в августе 1991 года была упущена победа, казавшаяся такой близкой...

Типичный представитель высшего эшелона партии, своевременно, как и многие партаппаратчики, переметнувшийся в «оппозицию», Ельцин утвердился у власти на волне всеобщего народного недовольства правлением КПСС. Официальная история РФ неизменно связывает деятельность Ельцина с «борьбой за демократию». Но слишком, слишком разный смысл вкладывали в конце 1980-х – начале 1990-х годов в понятие «демократия» те люди и те общественно-политические группировки, коих в СССР принято было именовать условным термином «демократы».

Подсоветский народ понимал тогдашнюю ситуацию наивно просто: демократия – есть устранение узурпировавшей власть коммунистической партии и передача этой власти в руки народа, который, сбросив большевицкое ярмо, получит, наконец, возможность самостоятельно решить собственную судьбу, исходя из своих национальных и государственных интересов.

Но кабинетные «демократы» во главе с Ельциным подразумевали и замыслили совсем иное... Не в силах более сдерживать стихийное народное антикоммунистическое движение, «демократы» от КПСС его... возглавили. Действуя под флагом «демократии», прикрываясь лозунгами «демократии», Ельцин и его режим на самом деле никогда не имели ничего общего ни с интересами русского народа, ни с подлинными антикоммунистическими силами, поднявшимися в конце 1980-х из народных глубин на борьбу с бандой ленинских наследников.

А что до демократии, то именно благодаря Ельцину и антинациональному ельцинскому режиму это слово быстро превратилось в грязное ругательство и стало восприниматься в сознании простого народа как самая крайняя и отвратительная форма «беспредела», на какую только способна советско-коммунистическая «элита» и распоясанный ею криминалитет. И те наивные демократы-идеалисты, что по началу искренне верили Ельцину, впоследствии пережили

глубочайшее потрясение и разочарование его реальной политикой... (Не говорим здесь о сознательных негодях, мечтавших о развале России).

Официально считается, что коммунисты в лице самой законной части партии «боролась» с Ельциным. Отчасти это было так: беспощадная внутрипартийная свара всегда была традицией красного крысятника. Но по большому счёту вся преступная советско-коммунистическая «элита» должна быть бесконечно благодарна Ельцину не только за своё спасение (вспомним фальсификацию «суда над КПСС»), но и за сохранение господствующего политического и финансового положения партийно-комсомольской номенклатуры в «реформированном постсоветском обществе». Для верхушки КПСС, ВЛКСМ и КГБ Ельцин послужил тем самым щитом, который прикрыл её от **настоящего** народного суда и тем «шестисотым Мерседесом», на котором вся эта красная банда по трупам миллионы людей въехала в фешенебельные дворцы, правления «совместных предприятий», частных банков и газо-нефтяных компаний.

Для русского народа имя Ельцина останется в памяти в связи с сотнями новых преступлений большевицких наследников: подавлением народных антикоммунистических сил, расчленением страны, «шоковыми терапиями», развалом армии, хозяйства, российской науки, тотальным ограблением народа, обнищанием и вымиранием миллионов людей, кровавой бойней 1993-го, позорным поражением в войне с чеченскими сепаратистами, новым утверждением у власти партноменклатуры и КГБ, созданием антинационального чекистско-олигархического режима и т. д., и т. д., и т. д....

Наверное, в истории России бывали и более кровавые, и более беспросветные времена, чем время ельцинского президентства. Но за всю более чем тысячелетнюю историю России русский народ никогда не испытывал большего **национального унижения**, чем то неопишемое вселенское унижение, которое он пережил при нём.

Будущим историкам «русской смуты» ещё предстоит подвести итоги «государственной» деятельности «великого демократа». Ещё долго будут они спорить о том, был ли Ельцин частью заранее продуманного КГБ плана «перестройки» или просто оказался слабым и корыстным политиком, пустившим богатейшую страну по ветру, а её народ – по миру...

Нам же, современникам, ещё долго предстоит иметь дело с реальными плодами ельцинской политики: спасённая Ельциным коммунистическая номенклатура, поменяв название, ныне стоит у власти в РФ; порождённые ельцинским режимом красные «олигархи» продолжают грабить и распродавать страну; его прямые назначенцы, ельцинская креатура – офицеры и генералы КГБ – заседают в Кремле... А остатки задавленного Ельциным и его преемниками здорового русского патриотического движения – вновь собирают по всей России силы в «глухом» полуподполье...

И. Б. ИВАНОВ
Начальник Русского
Обще-Воинского Союза

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ

ВОПРОС ДОСТОЙНОМУ ПРЕЕМНИКУ АРХИМАНДРИТА КОНСТАНТИНА

В опубликованном в «Нашей Стране» 2 марта с. г. очередном историческом размышлении Владыки Дионисия (Алферова) – достойного преемника Архимандрита Константина (Кирилла Зайцева) в смысле как богословском, так и научно-историческом – есть место, заслуживающее, с моей точки зрения, специального внимания.

Владыка пишет: «Пример российскиз императоров XVIII-XIX веков, заключивших военно-политические союзы даже с католическими монархами Австрии против исламской Турции и революционной Франции, показывает, что общая борьба с врагами «христианских алтарей и тронов» была возможна без уступок церковного характера, – и такая борьба могла быть успешной».

Конечно, сегодня ситуация радикально иная, – «христианских тронов» давно нет и в помине, они были ниспровергнуты теми, кого прямо называет Владыка Дионисий. Но «враги христианских алиарей» существуют и здравствуют поныне, и борьба с ними, – не предполагает ли, виртуально, возможности определенных «политических союзов» даже с католиками? «Без уступок церковного характера», разумеется.

Евгений Вагин

ОШИБОЧНАЯ СОЛЖЕНИЦЫНСКАЯ ОЦЕНКА ЦАРЯ НИКОЛАЯ ВТОРОГО

Статья А. И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией» к 90-летию Февраля была опубликована в «Российской Газете». До этого она уже публиковалась как минимум дважды, а сейчас издана отдельной брошюрой и разослана всем крупным российским чиновникам – как объясняет редактор «Российской Газеты» В. Фронин, чтобы на предстоящих в 2007-2008 гг. парламентских и президентских выборах не повторить ошибок 1917 года.

Сама по себе статья – это глава из «Красного Колеса», написанная в 1980-1983 гг. и исключенная автором из текста книги. Здесь собраны выводы из событий, описанных в «Марте Семнадцатого».

ПРИРОДА РЕВОЛЮЦИИ

По мнению Солженицына, революция была «стихийным движением запасных батальонов», против которого правительство оказалось «слабее мыши». Подробнее формирование этого движения автор не рассматривает.

Например, ничего не говорится о том, что распоряжение держать эти запасные батальоны в Петрограде было сделано генералом Поливановым, известным своей дружбой с оппозиционными общественными кругами, а приказ Императора Николая II вызвать в Петроград в противовес этим батальонам гвардейскую кавалерийскую дивизию не был исполнен генералом Гурко, дружным с теми же кругами.

Солженицын не отступает от общепринятой (едва ли верной) точки зрения на деятельность оппозиции, в соответствии с которой она только подготовила революционное настроение общества, а сама революция была стихийной.

В «Размышлениях» результат оппозиционной деятельности назван «либерально-радикальным Полем», силовые линии которого «пронизывали и подчиняли все мозги в стране». Это «Поле» и лишило правительство и военное руководство способности сопротивляться. Впрочем, наибольшую ответственность Солженицын возлагает не на них.

ВИНОВНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Виновники здесь не в смысле организаторов, поскольку по «Размышлениям» февральская революция была стихийной. Вину Солженицын возлагает на тех, из-за чьих действий петроградский мятеж кончился удачей и стал революцией, и в первую очередь на представителей правящей династии.

«За крушение корабля – кто отвечает больше капитана?» – говорит Солженицын, и треть «Размышлений» посвящает Императору Николаю II и разбору его мнимых недостатков и ошибок.

«Противодар – притягивать к себе ничтожество и держаться за них». Здесь Солженицын забывает многолетний эсеровский террор, который целенаправленно выкашивал самых ярких представителей власти (Столыпин), и Мировую войну, сыгравшую аналогичную роль, но в военной сфере (генерал Самсонов).

Сознание тех, кто остался в живых, было, как правило, развращено распутинской легендой, так что они не верили Императору, а потому работать с ним были неспособны. В такой обстановке Императору выбирать особенно и не приходилось.

Император Николай II «опасался применить военную силу против своего народа прежде и больше нужды». «Быть христианином на троне – да, – но не до забвения деловых обязанностей, не до слепоты к идущему развалу». Здесь хорошо бы еще вспомнить старый добрый совет генерала Воейкова открыть Северный фронт и сдать мятежный Петроград немцам, чтобы они навели там порядок. Император Николай II на все такие действия был, разумеется, неспособен.

«Сам более всех несчастный своею несилой, он никогда не осмеливался ни смело шагнуть, ни даже смело выразиться». А разве не смелым шагом было принятие Императором верховного командования во время небывалых отступлений русской армии? А предложение Европе всеобщего мира на Гаагской конференции? А как он обходил раненых солдат на передовой, под пулями, или делал смотр войскам на виду у неприятельских аэропланов?

Смелых шагов в жизни Государя было немало; смелых фраз куда меньше; как часто у других бывало наоборот!

Пастернаковский доктор Живаго говорит о последнем Государе: «Он должен был произнести что-нибудь такое вроде: я, мой меч и мой народ, как Вильгельм, или что-нибудь в этом духе... Но, понимаешь ли ты, он был по-русски естественен и трагически выше этой пошлости».

«Едва услышал об опасности своей семье – и бросил армию, бросил Ставку, бросил пост Верховного – и помчался к семье». На самом-то деле, оставаться в безопасной Ставке в февральских условиях было бы нехорошо, а с характером Императора Николая II – и вовсе невозможно. Люди разработавшие план февральского переворота это ясно понимали.

Однако прежде всего Император Николай II стремился не к Семье, а к России. Он ехал в Царское Село не потому, что там находилась его Семья (ее, как замечает Солженицын, можно было оттуда и вывезти), а потому что как раз из Царского Села он и управлял страной, ибо как Император он в тот момент был нужнее, чем как Верховный Главнокомандующий.

Вскоре события это подтвердили. Перед отречением у Императора двое суток не было никаких известий о Семье, кроме многозначительных намеков на то, что пока Государь размышляет над отречением, его семья в Царском без охраны. Когда наконец приехали из Петрограда Гучков и Шульгин, свита стала расспрашивать их о своих семьях, оставшихся в столице; Император же в течение трех часов слушал Гучкова, обсуждал возможные последствия отречения и подробности манифеста, назначал новых председателя правительства и Верховного Главнокомандующего, – и только прощаясь с думскими депутатами, спросил у них о судьбе своей Семьи. И даже после отречения он поехал не в Царское Село, а в Ставку, на

этот раз, видимо, чувствуя себя скорее Верховным Главнокомандующим, чем Императором. После этого он еще пять дней находился в Ставке и лишь затем поехал к Семье.

«...Почти без внешнего нажима сам извихнулся из трехсотлетнего гнезда, извихнулся больше, чем от него требовали и ждали». Я не знаю, что значит «извихнулся», хотя звучит не очень-то лестно. Но Императору только и оставалось, что отречься от Престола, после того, как столько его подданных, называющих себя монархистами, ему в лицо заявили о необходимости этого отречения.

«Николай II не понимал закона, он знал только свое отцовское чувство. Было бы грубо, а заметить можно и так: кто же выше – сын или русская судьба?» Действительно, Император отрекся не только за себя, но и за сына; в той обстановке передавать Престол Наследнику было бы губительно и для 12-летнего больного мальчика, и для страны. А отречение именно в пользу брата необдуманным не назовешь. Кстати, Г. М. Катков по этому поводу сказал: «Ведь никак нельзя было требовать в тот момент от человека в положении Николая II, чтобы он давал советы думскому Комитету, как им лучше удержать в руках только что вырванную у него власть, а тем более – как это сделать за счет покоя и сохранности его собственной семьи». «А еще выше: он всю жизнь понимал свое царствование как Помазанье Божье – так и не сам же мог он сложить его с себя, а только смерть».

Похожую мысль Император высказывал перед своим отречением. Государь отлично понимал, что отречься не может, но в его телеграмме об отречении говорилось: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России».

«Слабый царь, он предал нас. Всех нас – на все последующее». Таким образом, Александр Исаевич начал с критики известной точки зрения, что все предали Государя, и закончил выводом, что Император Николай II предал всех. То-есть поставил факты вниз головой.

Затем в «Размышлениях» вполне справедливо достается главнокомандующим, мгновенно перешедшим на сторону революции. «Их всех – победило Поле». «Концом монархии стало отречение Михаила». «Его отречение и превратило смену монарха в революцию». Великий Князь Михаил Александрович «хуже чем отрекся» и «передал Временному правительству такую абсолютную власть, какою не обладал и сам». Однако вряд ли у Великого Князя был выбор. Массонские лидеры, составившие для него манифест об отречении, знали, о чем написать.

«Династия покончила с собой, чтобы не вызвать кровопролития или, упаси Бог, гражданской войны». Это, возможно, аллюзия на слова И. А. Ильина: «Династия в лице двух Государей не стала напрягать энергию своей воли и власти, отошла от Престола и решила не бороться за него. Она выбрала путь непротivления и, страшно сказать, пошла на смерть для того, чтобы не вызывать гражданской войны». «И вызвала – худшую, дольшую, но уже без собирающего тронного знамени», – добавляет Солженицын.

«Вот наконец «перепрягли лошадей во время переправы» – и что же? кого же?...». «Министерство, вкруговую безответственное» уничтожило «по всей России всякую администрацию». Дальше – анализ состава Временного Правительства, после которого больше всего жаль «анекдотического» князя

Львова, честного и мечтательного человека. О масонских представителях в правительстве – вскользь.

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ

«...В Феврале хоть и могли быть немецкие дрожжи – однако российская опара взялась!» – так что не в немецких интригах следует искать причины революции, так же как и не в недостатке хлеба в Петрограде.

Другое дело война. «Вся эта война была ошибкой трагической для всей тогдашней Европы, а для России и трудно исправимой». Здесь Солженицын в очередной раз делает свое любимое сопоставление России Императорской (Первая Мировая война) и Советской (Вторая Мировая война) – как обычно, не в пользу СССР.

«И все же не сама по себе война определила революцию. Ее определял издавший страстный конфликт общества и власти, на который война наложилась» (опять «Поле»). При этом, с одной стороны, «дремота» монархии (хотя, на самом-то деле, реформ при Императоре Николае II было достаточно, в том числе до и после Столыпина), с другой «дремота» дворянства.

«В дни величайшей национальной катастрофы России Церковь – и не попыталась спасти, образумить страну». Солженицын повторяет известную мысль Бердяева о том, что русский коммунизм непосредственно укрепился на духовной почве православия, но в отличие от Бердяева, видевшего в этом явлении духовный, почти мистический смысл, видит в нем признак слабости Церкви.

И наконец Солженицын вспоминает фразу, слышанную им в детстве: «Смута послана нам за то, что народ Бога забыл», – и «это привременное народное объяснение уже глубже всего того, что мы можем достичь и к концу XX века самыми научными изысканиями».

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

«Теперь мы видим, что весь XX век есть растянутая на мир та же революция. Это должно было грянуть над всем обезбоженным человечеством. Это имело всепланетный смысл, если не космический». Февральская революция, по Солженицыну, оказалась для двадцатого века тем же, чем французская для девятнадцатого. И дала дорогу октябрьской.

В центр своей статьи Александр Исаевич вполне справедливо помещает отречение Императора Николая II и его брата. Не будь этих двух отречений – не было бы и революции. Солженицын возражает против пути непротivления и возлагает ответственность на тех, кто стремился к этому пути, – от последнего Императора до князя Львова. Значит, цель оправдывает средства? Каждый волен решать по-своему. Но только в той России люди, несогласные с этим знаменитым лозунгом, могли появляться так часто и делать так много.

В «Размышлениях» проскальзывает еще одна мысль: «Монархисты в эмиграции потом десятилетиями твердили, что все предали несчастного Государя и он остался один как перст. Но прежде-то всего и предали монархисты: все сподряд великие князья, истерический Пуришкевич, фонтанирующий Шульгин, сбжавший в подполье Марков и Замышевский, да и газета-оборотень «Новое время». Даже осуждения перевороту – из них не высказал открыто никто»...

"Наша Страна" испытывает немалые финансовые трудности. Поддержите ее! А также, во избежание перерывов в доставке газеты, не забудьте уплатить Вашу задолженность за подписку!

Ростропович: истинный русский человек

Меньше недели спустя смерти так называемого «первого русского президента» отошёл ко Господу Мстислав Леопольдович Ростропович.

Мы далеки от мысли видеть в Ельцине воплощённое зло, как часто сейчас водится читать. Не забываем той надежды – увя впоследствии неоправданной –, которую дано было испытать при крушении советского монстра, как и роль, сыгранную в том, волею судьбы, Ельциным даже если теперь стало ясным, что кое-кто и «помогал» судьбе.

Не забываем, что именно ему удалось поставить на колени Горбачёва, до последнего дня защищавшего и олицетворявшего советскую мразь.

Не забываем и те судьбоносные августовские дни, когда всё казалось возможным, когда красная тряпка была заменена трёхцветным флагом, когда миллионная толпа шла через Москву, скандируя «РОС-СИ-Я», когда люди шествовали с иконами Св. Царя-Мученика, когда стали сносить памятники извергов, когда как крысы аппаратчики и чиновники под свист толпы трусливо покидали здание Центрального Комитета, когда церковные аппаратчики, попрытавшись по дырам, со страхом думали, что близок конец и настало время расплаты, когда перед «Белым Домом» был выставлен огромного размера щит с изображением славного Двуглавого Орла...

Всё это с ностальгией помним и как все, пережившие эти дни, вычеркнуть из памяти не можем.

Сегодня человек предстал пред Господом, не будем разбирать истинные побуждения и задние мысли Ельцина, будем только помнить, что всё это имело место, если не благодаря ему, то при нём.

Естественно, не забываем также

и всё прочее в его биографии, как и то, что духовный подъём и надежды почти в одночасье улетучились и всё вернулось на круги своя: РФ заменила собою СССР, а России так и не дано было встать от пепла.

Зато личность незаурядного виолончелиста, выдающегося музыканта М. Л. Ростроповича просто не сопоставима с личностью Ельцина. Государственным деятелем он не был, зато Великим Русским Человеком он неоспоримо был. И не будем тут говорить о всем известной его общественной деятельности, о его импровизированном концерте во время исторического падения Берлинской Стены, или о приюте, мужественно оказанном им гонимому А. И. Солженицину.

Для нас – если можно так выразиться – великим он был в малом, то есть особенно в повседневной жизни, в своём поведении, в своей русской щедрости, доброте и отзывчивости, в своей русскости и православности. Иными словами в том, что сему миру не только неведомо, но и не принимается в счёт за качество.

Не можем забыть как, попав на Запад, он сразу по должному оценил Зарубежную Церковь и особенно нашу тогдашнюю джорданвилльскую всезарубежную лавру, которую он при каждой возможности посещал, как и много других разбросанных по всему свету Зарубежных приходов.

Он, человек грузный, с таким усердием клал поклоны на великопостных службах, что даже удивлял и пугал наших монахов!

Не можем забыть его прямо детскую привязанность к нашей Мироточивой Иверской Иконе и его близкую дружбу с убиенным братом Иосифом. Эта близость была усугублена тем, что один его внук чудесным образом исцелился

после молитвы перед Иконой.

Поделится личным и столь характерным о нём воспоминанием.

Дело было в марте 1991 года. Я тогда преподавал в Лионской ВКШ, одним из престижных французских высших учебных заведений. Каждый год Школой устраивается торжественный праздник, на который принято приглашать какую-нибудь выдающуюся личность, и в этот раз решено было «гвоздём дня» занять знаменитого Ростроповича. Я был кастично, но не больше, привлечён к подготовке приёма и по глупости не посмел сказать, что праздник Школы неудачно падает Великим Постом: стоит ли «тупым»(!) французам объяснять, что Великим Постом не принято устраивать веселья. Всё равно не поймут!

Меня, среди некоторых, главный директор официально представил великому гостю, а я, на русском языке, добавил: «Вам вероятно интереснее будет знать, что я также являюсь диаконом Зарубежной Церкви в Лионе». У Ростроповича тут же просветлилось лицо, он обнял меня и чисто по-русски расцеловал! Надо было видеть удивлённые лица окружающих нас французских, решительно не понимающих, почему Ростропович так мною заинтересовался!

Но дальше – больше. Пришло время ужина в шикарном ресторане. Надо знать, что Лион славится тем, что является международной столицей кулинарии. И тут – конфуз! Подаётся какое-то изысканное, естественно скромное, блюдо. Надо было видеть ужас, появившийся в глазах артиста с мировым именем: «Так сейчас же Великий Пост!», вскрикнул он. От такой «некомфортности» недоумению не было предела среди высокопоставленных французских, явно не понимающих,

как такой великий человек мог придерживаться «столь детских предрассудков»! «Так ничего», – усугубляя впечатление своего «невежества» в глазах французских извинялся Ростропович, – «дайте мне жаренной картошечки!»

Надо ещё сказать, что в этот день он был в Лионе пролётом, прибыл к нам из-за границы, а на следующее утро летел... в Японию. С таким графиком простительно было бы запутаться в церковном календаре. Но нет. «Верный в мале и во мнозе верен есть, а неправедный в мале и во мнозе неправеден есть» (Лк.16,10-11).

Сильный урок в тот день дал он всем присутствующим, хотя мало кто его понял и оценил. А урок тем более сильный, что был совершенно естественный, безо всякого позёрства.

И тут нам сразу вспомнился пример другого Великого Русского Человека – А. С. Хомякова, который, приехав в Париж в начале Великого Поста 20-летним юношей, к удивлению своих спутников стройнейшим образом соблюдал самые суровые предписания Церкви. Этому своему правилу он следовал всю жизнь, как за границей, так и в петербургских салонах, объясняя своё поведение тем, что так делает «весь мир», то-есть все те, к кому он причислял себя, и не могло ему прийти на ум выделиться из того сообщества, в котором он жил, именуемого Церковью.

На нашем характерном примере можно сказать, что и Ростропович, среди блеска, шума и мирской славы жил, как праведник в миру, жил Церковью. Да примет Господь Бог светлую душу верного раба Своего, истинного русского человека, новопреставленного Мстислава!

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

ДЖОРДАНВИЛЛЯ УЖЕ НЕТ

Нахожусь в глубокой скорби после того, что увидела в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле.

Была уверена, что на Пасху, в великий православный Праздник, да ещё и в столь солнечный, невероятно благодатный день, будет масса народа, и в храме, и особенно как всегда на кладбище. Джорданвилль всегда шумел как улей на Пасху!

Время было после трапезы, 3 часа дня, когда народ обычно гуляет и наслаждается отдыхом и природой. Вы можете мне не поверить: я не встретила ни одного богомольца или паломника! Нигде, ни одного!

За те несколько часов, что провела там, мне не встретился даже ни один семинарист. Складывалось ощущение мёртвого поселения, с жуткой тишиной, засохшими клумбами, полным запустением. Только кресты храма и колокольни ярко горят на солнце – и ни звука, ни шороха, ни души...

Что же происходит? Неужели все русские люди разом уехали из США? Но хотя бы где американцы, которых тоже всегда было немало? Где клирики, старцы, гости и насельники, хотя бы рабочие? Нет никого. Джорданвилль, как место где всегда кипела православная жизнь, а на Пасху плескалось разлитое море цветения, пения, духа, – не узнаваем! Он выглядит полностью разрушенным. Духовная жизнь остановилась: никто не выслушивает и не наставляет паломников, не служит панихид, не поминает усопших, не возжигает свечи. Не слышно ни звонов, ни песнопений, ни молитв, ни детского смеха, ни просто разговора и русской речи – вообще...

Впервые стало страшно. Что это: бомбёжка психотроникой, какое-то неслыханное вселенское колдовство? Или уже просто всё полностью по-американски: «каждый сам за себя», «сиди и дрожи каждый под своим собственным листочком»?

Лавра давно не было в храме. Он практически не выходит; отказывают ноги, говорить не может. За его наследство идёт жестокая война группировок (патриархальной, американской, украинской – там их масса, да нужен-то именно зарубежник). Выясняют лишь это, ну а про Православие полностью забыли!

Воистину, картина небывалого разгрома. Кто такое сотворил с Русской Церковью – тот враг Бога, России и русских.

Е. Юрвева

К ВОССОЗДАНИЮ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Указом председателя Архиерейского Синода Русской Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви Архиепископа Омского и Сибирского Тихона (Пасечника), настоятель Свято-Успенского прихода РПЦЗ в г. Трентон (Нью Джерси, США) протоиерей Стефан Сабельник назначен благочинным Трентонского благочиния РПЦЗ.

«Ввиду неотложной необходимости восстановления нормальной церковной жизни на приходах вдовствующей Восточно-Американской Епархии РПЦЗ, временно находящихся под омофором РИПЦ в этот тяжёлый период существования Русской Церкви в Зарубежье, и для упорядочения приема клириков, не желающих присоединяться к МП, нашим определением Вы назначаетесь благочинным Трентонского благочиния в северо-восточной части США», - говорится в Указе Архиепископа Тихона.

Согласно Указу, протоиерею Стефану Сабельнику дано право приема от клириков РПЦЗ прошений об их временном переходе под омофор Русской Истинно-Православной Церкви с дальнейшей передачей прошений Архиепископу Тихону. В случае возникновения затруднительных ситуаций, как говорится в Указе, для обсуждения и разрешения сложных вопросов, протоиерею Стефану «...рекомендуется вступать в братское взаимодействие с благочинным Восточной части США протоиереем Анатолием Трепачко или обращаться непосредственно к председателю Синода РИПЦ». Ранее,

в декабре 2005 г., аналогичное право приема прошений от клириков РПЦЗ было дано протоиерею А. Трепачко.

Таким образом, на территории США на сегодняшний день под временным омофором Русской Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви действуют два благочиния РПЦЗ: Восточной части США во главе с протоиереем А. Трепачко и Трентонское благочиние во главе с протоиереем Стефаном Сабельником.

Кроме того, на территории США существует ставропигиальное Синодальное подворье РИПЦ при Свято-Успенском храме в городе Стафффорд (штат Виргиния).

«Ведомости РИПЦ»

АРХИЕПИСКОП, ВОССТАВШИЙ ПРОТИВ УНИИ С МП

С Игорем Александровичем Дулговым я познакомился когда мы оба после Второй Мировой войны поступали в Православный Богословский Институт на улице Крима, в Париже.

Нам устроили не экзамен, а нечто вроде коллоквиума, с целью выяснить наш культурный уровень. Проводил это собеседование С. Верховский.

Он спросил меня как католическая Церковь относится к догмату о предопределении. Отвечая, я упомянул, что в некоторых пьесах Кальдерона идея предопределения вроде бы допускается.

Как позже мне рассказывал Игорь, на него это произвело большое впечатление: вот мол какая ученость!

Вдохновенный проповедник, Архиепископ Серафим (Дулгов)

На меня же он произвел впечатление молодого человека совершенно *comme il faut*: благовоспитанного, тактичного, умеющего держать себя как надо в любой обстановке.

Позже между нами установилась крепкая дружба на почве общих у нас монархических убеждений.

Он окончил кадетский корпус в Версале. Как я мог убедиться впоследствии, - через него уже познакомившись со многими выпускниками того же учреждения, - монархическую закваску там получили все, или почти все.

На первом курсе института нас оказалось трое: кроме нас двоих был еще некто Шумилов; но он меньше чем через год уехал в Венецуэлу (он и поступил-то в институт, чтобы провести время пока проходил формальности и дожидался срока).

В большом дортуаре нас сперва и было трое, но вскоре прибавилась группа сербов, приехавших из английских лагерей в Италии; а потом еще и двое сирийских арабов: Ходр (впоследствии ставший епископом) и диакон, которого имя не помню (он в дальнейшем снял сан и ушел в мир, оставив институт).

С Ходром связано такое воспоминание: прибыв, он выразил пожелание принять душ и чтобы потом его провели в его комнату. Ему объяснили,

что душа нет, а комната - вот общий для всех дортуар. У студентов старших курсов, кто жил при институте, дортуар был отдельный. Но с ними всеми занятия велись отдельно от нашего первого курса из трех, а потом из двух человек.

Преподавание, надо сказать, велось на самом высоком уровне. Историю Церкви читал отец Александр Шмеман (он тогда как раз сделался священником и сменил светский костюм на рясу).

Историю русской Церкви преподавал Антон Владимирович Карташев (в прошлом министр Временного Правительства); философию - отец Василий Зенковский, библейскую историю - отец Алексей Князев.

Один из первых эпизодов оставшийся у меня в памяти, был такой. Осматриваясь на новом месте, мы с Игорем нашли в библиотеке большой рулон с портретами в красках Царя Николая Второго.

И водрузили его на стене у себя в дортуаре.

Это, - открытый монархизм, - было весьма не по нраву администрации института. Но ведь и запрещать-то было неудобно... Вот и поручили студенческому старосте, графу Хвостову, нас разубедить.

Он как главный аргумент привел, что вот сербам может не нравиться такое проявление русского национализма.

На что мы ответили: - Так давайте у них спросим! И спросили.

А те неожиданно ответили: - А можно мы повесим портрет своего короля?

- Ну, конечно, можно! Портрет у них был и Игорь сам его прикрепил, - уж не помню, пришил или прибил гвоздями.

Король у них был молодой и красивый. Взглянув на портрет, у меня невольно сорвалось:

- Прямо-таки сказочный царевич.

Что сербам очень понравилось. Все это были очень славные молодые ребята и по настроению, как видно из описанного выше, близкие к нам. Отношения с ними у нас установились самые лучшие.

С ними вместе приехал и одно время жил в институте сербский профессор по фамилии Деверия.

Он был поклонником Бердяева и его поразило, что тот сделался советским патриотом. Он его посетил и рассказал ему о творящемся в Сербии. Тот, по его рассказу, ничего не смог ответить; только далеко высунул язык (у него был такой тик, особенно при волнении). А вел себя Бердяев тогда архипозорно: даже вывесил над своим домом советский флаг...

Мы все следили в то время не без волнения за поведением митрополита Евлогия, взявшего советский паспорт и попытавшегося перевести принадлежавшую Константинопольскому Экзархату Церковь в юрисдикцию Москвы.

Смерть Евлогия и решение его преемника митрополита Вла-

димира положило беспорядку конец.

На каком-то собрании протоиерей Василий Зенковский говорил даже о том, что Евлогий собирался перевести Парижский Богословский Институт в Москву, добавив от себя:

- Это, конечно, можно объяснить только болезненным в то время состоянием Владыки!

У коего, сиречь, выражаясь языком гоголевских парубков, «в голове расселись клепки».

Я тогда был поглощен поиском единомышленников, в первую очередь из своей новой эмиграции по всему миру, в чем Игорь мне деятельно помогал.

Помню как мы ходили вместе на почту; а деньги на марки набрать бывало порою трудно; шарил по карманам, наскребая мелочь.

Путь на почту вел мимо кинематографа, но на билеты туда у нас денег уж решительно не было. Смотрели только афиши с картинками. Но вернувшись в институт Игорь вдохновенно рассказывал студентам, сербам и русским, содержание фильма, который мы будто бы смотрели.

Еще помню такое. Отправив одно письмо в Австрию, я потом с сомнением ему сказал:

- Кажется я, по рассеяности, на конверте написал вместо Autriche (Австрия), autruche (то есть «страус»). Дойдет ли?

А Игорь мне ответил: - Не дойдет. Отнесут в зоологический сад и бросят в клетку к страусу!

Хороша на процессе была француженка-учительница, жившая долгие годы, включая и при советском строе в России. В ходе дебатов ей случилось сказать, обращаясь к судье:

- При раскулачивании, - да вот Вы не знаете, что это было такое; позвольте, я Вам объясню...

На что судья ей ответил: - Мы начинаем понимать, мадам!

Занятия для меня труда не представляли. Тут я выработал такой метод. Хотя в Институте было много комнат, но все же стоял шум, разговоры, приходилось отвлекаться...

Так вот я брал перед экзаменом тетрадку с записью лекций или учебник, садился в метро, в часы когда публики бывало мало, и ехал до конца линии, а потом обратно, читая что нужно. Этого и хватало.

Не без гордости могу упомянуть, что отец Алексей Князев, которому я сдавал первый экзамен, сказал, что так хорошо ему еще никто не отвечал.

Обедать студенты ходили в социальный ресторан, где для бедных и учащихся цена была дешевая. Кормили нас там почему-то преимущественно китовым мясом! Ну и что же: оно было довольно вкусное.

Да и в те годы молодости аппетита хватало...

Пользуясь свободным временем я активно сотрудничал с антикоммунистическими журналами возникавшими тогда в Германии и Италии, установил связь с Высшим Монархическим Советом в

Студенты Сергиевского Богословского Института И. Дулгов (справа) и Д. Петров (Владимир Рудинский) читают газету "Вестник" В. Шапкина

Сильно нас увлек начавшийся в 1949 г. процесс Кравченко. С утра мы оба бежали покупать газеты разных направлений и с жадностью следили за заседаниям суда, клонившимися к посрамлению компартии и исподличавшейся насквозь французской левой интеллигенции.

Мюнхене, получил назначение его представителем на Францию, установил связь и с монархической организацией «Русские Революционные Силы», имевшей базу в Греции. Да об этом, уж если бы писать, то надо бы отдельно...

А вот стоит упомянуть, что когда в Париж приехал член

Высшего Монархического Совета Юрий Мейер, я разослал повестки знакомым мне монархистам, снял помещение и устроил собрание.

Вышло так, что я был председателем, а Игорь секретарем. Сошлось несколько десятков человек, - и с этого началось оживление монархического движения, которое до того было определено в застое после войны. Хотя, положим, Евгений Амвросиевич Ефимовский героически издавал уже, - на пишущей машинке! - журнал «Русский Путь», в котором я состоял деятельным сотрудником.

почему-то такие подозрения приписывали именно мне.

Правда, я некоторое время был в переписке с Житковым, крупным антимасонским деятелем, жившим в Бельгии: но это я разумеется, хранил в тайне.

Да и сочувствовал я гораздо больше Синодальной Церкви, чем экзархату. Игорь тоже; однако он это не только не афишировал, но никак вообще не упоминал, не подавая повода к придирке.

Главным же, почему мне пришлось уйти из института после второго курса, который закончил (и с неплохими от-

Игорь Дулгов, знаменщик Версальского Кадетского Корпуса имени Императора Николая Второго, с духовником, иеромонахом Зосимой.

Возвращаюсь к быту. Через некоторое время устроили в институте столовую для студентов. Что вышло для нас всех крайне неудачно...Право на социальный ресторан мы потеряли, а кормить стали из рук вон плохо, - главное мало!

Студенты стали роптать.

Ректор Института, епископ Касьян Безобразов собрал нас всех для вразумления и наставительно заявил:

- Если вы думаете, что вам в пост станут давать скоромное, то на это не надейтесь.

На что я не выдержав ему сказал:

- Тут, владыко, имеет место недоразумение. Речь не о скоромном, а о количестве. Одной картофелинки, например, это недостаточно. Вот сербы - молодые, еще рост не окончился, а за войну голода натерпелись. Что хорошего если наживут туберкулез...

Рассказывали, будто заведующий столовой, которому епископ Касьян доверял, копил деньги на отъезд в Америку и пользовался капиталом, предназначавшимся на питание, чтобы отложить в запас на расходы.

Касьян вразумительного ответа не дал, но с тех пор меня прочно невзлюбил. Впрочем были и другие причины. Про него говорили, что он масон. В частности, так считали сербы. Я то это слышал, но не говорил. Но Касьян и другие

метками!), оказалось другое.

Меня пригласили на съезд Имперского Союза в Брюссель. Дело было летом, во время каникул, так что, казалось бы, препятствий и не было. Но я знал, что если спрошу разрешения, мне решительно не дадут. Поэтому уехал так, предупредив студентов, чтобы сообщили.

Администрация раздула скандал и мне пришлось уйти.

Напоследок, помню, разговор с Карташевым. А Карташев был близким другом Мельгунова, который меня рекомендовал, когда я поступал в институт.

Он мне сказал, что мол дело не столько в поездке, но мол вообще...

- У нас бывали крайне левые, вот например профессор Федотов. Но крайне правых... нет, крайне правых у нас никогда еще не было!

Поэтому я Игоря стал видеть редко. Иногда он меня посещал в отеле на улице де Ла Грот, где я поселился. Иногда я ездил к нему в гости в Версальский Корпус (где его мать заведывала медицинским пунктом). После же того как он стал священником и уехал в Лион, отношения надолго прервались.

Возобновились в форме переписки когда он поселился в Леснинском монастыре, но видаться нам так больше и не удалось.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Независимый анализ положения в Зарубежной Церкви
- с позиций Белой Эмиграции

КАРЛОВЧАНИН

Электронный официальный орган печати Западно-Европейской Епархии РПЦЗ, под редакцией Протоиерея Германа Иванова-Тринадцатого

www.karlovtchanin.com

ВЛАДЫКА СЕРАФИМ (ДУЛГОВ)

Игорь Александрович Дулгов родился в Москве в 1923 году. В 1928-ом вместе с матерью уехал за границу. Его отцу, уже находившемуся на Западе, пришлось заплатить через Красный Крест большевикам приличную сумму, чтобы вывезти их из СССР и перевезти в Париж через Берлин.

Воспитанник Версальского Кадетского Корпуса имени Императора Николая II, нес в нем послушание прислужника и псаломщика и был знаменщиком. Учился во французской инженерной школе. Во Вторую Мировую войну участвовал в Русском Освободительном Движении. После войны окончил Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже (1946-1950). Работал на заводе в Версале. Служил иподиаконом епископа Нафанаила (Львова). В 1961 г. в Женеве рукоположен во иереи и служил в храме Св. Архистратига Михаила в Каннах (Франция). С 1963 г. настоятель этого храма. С 1971 г. протоиерей и благочинный юга Франции. Позднее настоятель храма Св. Николая в Лионе.

В сентябре 1993 г. принял монашеский постриг. Хиротонисан 19 сентября 1993 г. в Женеве во епископа Леснинского, викария Западно-Европейской епархии. С 3 ноября 1993 г. управляющий Западно-Европейской епархией с титулом епископ Леснинский и Западно-Европейский; с 1995 г. архиепископ Брюссельский и Западно-Европейский. После увольнения на покой проживал в Леснинской обители.

Несколько десятилетий сотрудничал в «Нашей Стране» под разными псевдонимами, в частности как «Д. Ржанов» и «К. Вельяминов». С юности занимался антикоммунистическим и монархическим просветительством.

Отошел ко Господу 24 ноября 2003 года, в день празднования Монреальской Мироточивой иконы Божией Матери.

Владыка Серафим до самого последнего времени не мог поверить, что Ньюиоркский Синод способен на такое чудовищное предательство: подчинить РПЦЗ чекисту Путину.

Когда он в этом наконец убедился, - накануне своей смерти, - Владыка опубликовал в «Нашей Стране» статью «Почему мы не можем причастаться у священников МП» и написал завещание, согласно которому он «вычеркнул самого себя из числа архиереев» митрополита Лавра и повелел себя похоронить не в епископском облачении, а в одеяниях простого иеромонаха.

Вечная память верному сыну исторической Зарубежной Церкви и Царской России!

Редакция

АЛЬБОМЫ АНДРЕЯ КОРЛЯКОВА О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Воины Белой Армии и изгнанные из России в 1922 году философы, поэты и шоферы такси, художники и рабочие, швейки и чемпионы спорта - все они здесь, в этой коллекции.

Лица иных - замечательной красоты, с тонко обрисованными чертами; других - простые и беспомощные.

Здесь - можно увидеть выцветшие одеяния, там - парадные формы, но повсюду - надежду в глазах. Немногие из них снова увидят Россию. Может быть - эти маленькие мальчики и девочки, которые никогда не видели свою родину и любят её на основании стихов, рассказов и легенд.

Пронзительные книги. Свидетельство тому факту, что Россия в изгнании отличалась острым сознанием долга и нравственности. В этом и находила последнее прибежище.

Своим подбором фотографий автор показывает, что в изгнании находились люди большой духовной ценности, одаренные высоким чувством чести и достоинства.

Это не случайность, что культурное наследие эмиграции представляет собой подобное богатство и разнообразие. С первых дней она была основана на решительном выборе жизни: надо было покинуть обесчещенный дом и направить свои шаги к Вечной России.

Иван Толстой

Альбомы (уже вышло 4 тома) можно выписывать по адресу:

Andrei Korliakov, 16 rue Frémicour, 75015 Paris, France

Телефон: 01.45.79.06.02

Сотовый: 06.10.39.04.35

Электронный адрес:

ankor24@noos.fr

Узел на интернете: www.emigrationrusse.com

Предвидится выпуск еще 6-ти томов, посвященных, в частности, Русскому Исходу, русским детям в изгнании, русским художникам, кадетским корпусам и Русскому Освободительному Движению 1941-1945 гг.

НАСКОК ГНИЛОУСТА РУССКОЙ СЕТИ НА СОЛОНЕВИЧА

В своем «Живом журнале» в Русской Сети интернета «философ» Д. Галковский объявил, что Иван Солоневич - агент ГПУ, и как это обычно бывает, английский шпион, ну, и конечно, провинциальная крестьянская сволочь.

Обвинения Солоневича со стороны отдельных эмигрантских кругов в большевицкой подставе подробно разобраны в статье Нила Никандрова «Иван Солоневич возвращается с чужбины» <http://www.tiwy.com/nashi/solonevich/part3.phtml>

Галковский по невежеству этого очевидно не знает. Тупо воспроизводить обвинения, звучавшие в 30-е из уст тех, кто сам потом оказался агентом НКВД, есть совершенный позор.

Солоневич – необычайно актуален, причем удивительная биография эффект его писаний явно усиливает. С другой стороны, если биографию вывалить в грязь, то книжки уже можно и не обсуждать. То есть смысл всего этого в том, чтобы не спорить с Солоневичем по существу.

Это, безусловно, художественно выполненный донос на соседа по коммуналке. «Ну посмотрите, – какая противная харя! Видите? Видите?» Я, как человек нейтральный, нахожу внешность Галковского гораздо более отталкивающей, правда мне и в голову не приходит делать из этого какие-то заключения.

«Думаю, не последнее место в карьере Солоневича сыграла его уродливая внешность». Страшно интересно, что Галковский думает о своей собственной внешности. Очевидно, верит, что он слишком хорош собой, чтобы сделать карьеру русского националиста.

Внешность для мужчины большого значения не имеет. Главное, чтобы не было большого пивного живота и взгляда побитой собаки. Солоневич же – это высокий накаченный человек, атлет. Шварценеггер – он красивый? Ну, а теперь как пишут доносы.

1. Начало: злобная грязная ругань по поводу крестьянского происхождения Солоневича, после чего сие происхождение немедленно ставится под сомнение: жена-дворянка, папачиновник.

2. Не лишенный занимательности конспективный пересказ истории скаутизма и славянских «Соколов» (разумеется, англичане) и дальше широким мазком мастера измазываются вообще все мыслимые общественные движения: «Это фирменная схема Великобритании. Взять какую-нибудь важную и актуальную тему: женскую эмансипацию, профсоюзы, борьбу с пьянством, увлечение художественной литературой, пацифизм, детское движение, а потом с её помощью кошмарить весь мир.»

Теперь шабаш, не отмыться никому. Ходил в кружок внеклассного чтения – английский шпион. Знаешь латинский язык? Латинский шпион.

Игра в футбол как компромат – это ценный вклад, Вышинский бы оценил. То, что футбол и скауты – это англичане, понятно. Надо сказать, что вообще спорт – это английское явление (и английское слово). Отсюда любой студент, который занимается штангой и футболом в отделении «Сокола» – английский шпион по логике: соколы – это скауты, а скауты – это английская интрига. То, что соколы – это не скауты, а скауты получили благословение и поддержку Царя, то есть как минимум о нелояльности речи быть не может, значения, конечно, не имеет.

Дальше насекомое начинает быстро перебирать клочки сведений, которыми владеет (всерьез изучать

вопрос не снизошел):

Так, спортсмен, а на фронт не пошел, ага, дезертир. (Правильный ответ: он – ужасный близорук).

Пишет, что уволился из армии тогда-то, а здесь вот стоит, что уволился тогда-то! Ага! Крепко ты влип брат, от Галковского не уйдешь.

Пишет: «воспоминания Солоневича о февральской революции основаны на прямой лжи». Не понятно, откуда Галковский это взял. Вот, например, воспоминания о февральских событиях <http://www.solonevich.narod.ru/avtobiograf2.html>

Гражданская война: Тут сказать нечего, но что-то сказать хочется. «Солоневич плетёт какую-то невнятицу о работе на белых, но всё это весьма и весьма неубедительно.» Ну, извините. По словам Солоневича он занимался разведкой и агитпропом.

«При этом часть руководства скаутов и соколов пополнило ряды пионерских, комсомольских и профсоюзных функционеров.» Да, и что? Очевидно, так братьев Ивана и Бориса (третий брат погиб, защищая Крым) обвиняют в пособничестве большевикам. Иван работал как инструктор по физкультуре в профсоюзах, Борис занимался пионерами. Интересно, как они должны были выживать, чтобы Галковский остался ими доволен? Уйти в леса и питаться корой и кедровыми шишками?

Автор старается доказать, что Солоневичей как агентов влияния за границу забросило ГПУ. Собственно, здесь речь идет не сколько о Солоневиче, сколько о Галковском. Прием: «сведения недостоверны» и «об этом мы ничего не знаем». В устах Галковского, человека невежественного, это звучит анекдотически: не знаете? Ну, почитайте что-нибудь.

Вот еще фокус из арсенала провинциального советского прокурора:

«Ни Солоневич, ни его жена и сын не репрессировались советской властью. Устроены они были хорошо, жили в столичном городе, не бедствовали. Прожили при новом режиме 15 лет без пушинки. Как вдруг. Вдруг Солоневичи летом 1933 года решили бежать в Финляндию. Втроём: Иван, его сын и брат. Выехали из Москвы в Питер, арестованы по доносу и по-сажены в лагерь.»

Как вдруг – прекрасный прием. Совершенно любой поступок можно подвергнуть строгому допросу: чего-то ты мужик не делал, не делал (не писал книжки, не играл на гитаре, не поступал в вуз, не перехал в другой город), а ВДРУГ взял, да и сделал? (Ответ: читайте Солоневича, он прекрасно объясняет и КАК они были устроены, и почему ВДРУГ.)

Кроме того, здесь явно звучат гэ-

бешные интонации – вот ведь, черт возьми, не репрессировали, жили в «столичном городе», не бедствовали – и чего вдруг побежал? Хорошая ведь жизнь в Совке, правда? (Вот ведь гнида Барышников: всё было – и гастроли, и ордер на жилье вне очереди, и Волга серая – ну как же так?).

«Действительно, что делать культурному человеку в полудиком СССР?» Тише, тише. Миллионы русских людей бежали с немцами из СССР, полуграмотные колхозники, главными образом, и были готовы скорее умереть, чем возвращаться, это «вторая волна» называется. А «Полудикий СССР» был в тот момент светочем для всего угнетенного человечества, который самые передовые западные газеты описывали как необычайно прогрессивный опыт решения экономических и социальных проблем (на фоне западной рецессии). А на Украине в этот момент люди жрали друг друга, да и в остальных местах был настоящий голод.

Что до Солоневича об этом знали на Западе? Доносились отдельные слабые голоса «отдельных элементов, обиженных советской властью», но всё подавалось как некоторые перегибы на пути грандиозных преобразований. Книга Солоневича была БОМБОЙ, и явной пристрелкой к «Архипелагу ГУЛАГ». (На Солженицына действительно очень похоже. Предлагаю сравнить «Две силы» с «В круге первом» - главный мотив: как это опасно для свободного мира, если у Советов в руках окажется атомная бомба. Тема Солоневич-Солженицын действительно очень интересная, но Галковскому она явно не по зубам).

Обычно в биографии Солоневича сомнения вызывает три вопроса:

- Почему Солоневича выпустили из Одесской ЧК, и все 20-е не трогали (выпустили, потому что шпигель уничтожил дело);

- Почему такое мягкое наказание и блатная должность в лагере;

- Был ли побег подстроен ОГПУ и если да, то зачем это ему понадобилось (помогали добровольцы, рискуя жизнью, дали карту и компас).

Сомнения законные. Обо всем Солоневич сам подробно рассказывает, на враках не ловится, но многое выглядит слишком фантастично: то есть, может, так и было, но тогда вы – необычайно везучий человек.

Верить ли истории со шпигелем?

Я думаю, у каждого в жизни случались такие шпигели – что-то неправдоподобное, нереальная комбинация множества случайностей, но произошедшая на самом деле. Мир вообще гораздо более странная вещь, чем самый галковский человек может

себе вообразить.

При Совке все Солоневичи устроились в качестве «спецов». Слой образованных людей и так в России был довольно тонок, а на большевиков работать было просто некому, евреи одни. Тамара устроилась переводчицей, она знала пять иностранных языков. Иван и Борис до революции были известными спортсменами и спортивными деятелями, и когда большевики решили заняться массовой физкультурой, все пошло в ход. Просто сравните историю известных дореволюционных спортсменов, – те, кто не погиб и не эмигрировал, стали подсоветскими инструкторами по спорту.

Солоневич жил под своей фамилией, дома у него висели портрет царя и иконы – и ГПУ об этом знало. Даже с учетом одесского шпигеля полагаю, что органы знали довольно, чтобы его арестовать в любой момент. Почему не арестовали? Много могло быть причин. «Роман во Дворце Труда» проливает некий свет на отношения Солоневича с органами. Бориса, кстати, арестовали тогда, когда начали готовить побег, так что всех явно держали под колпаком.

Подлинные отношения с торгсином – читайте у Тамары Солоневич. Видимо, что-то иногда перепало, но еды явно не хватало, уж очень много и горячо о ней говорят. Взрослый сытый человек о еде обычно не пишет, если он не кулинар какой-нибудь: неинтересно, о чем тут писать.

Побег описан в «России в Концлагере», явных несообразностей нет, хотя многое опять объясняется необычайной удачливостью.

«Как жена «врага народа» может работать за границей?» Во-первых, формально Тамара была замужем за немцем, где же ей работать-то? Во-вторых, пока И. Л. не поймали на границе, «врагом народа» он тоже никак не был.

Никандров показывает как ОГПУ вбрасывало компромат на Солоневичей (кто, когда и через кого). Известно, кого и как в ОГПУ наказали за побег Солоневичей. Были арестованы и расстреляны Лукьян Михайлович и его сын от другого брака. Бомбу, взорванную в Софии, принесли из советского посольства, а изготовили в спецмастерской в Киеве (где делали бомбу для Коновальца). Всё это Галковский просто игнорирует.

На сайте www.solonevich.narod.ru есть масса материалов, и например, человек сравнил личное дело Солоневича из архива КГБ с тем, что сам Солоневич о своем деле писал в книжках, и больших расхождений не нашёл. Конечно, можно считать, что досье сфабриковано, но зачем? Архивы рассекретили только в 90-е годы; как защита от критики «чекиста Солоневича» досье помочь никак не могло.

Обстоятельства побега на самом деле слишком фантастические, чтобы Солоневичам сразу поверили. Тем более, что паранойя эмиграции на предмет агентов ГПУ (обоснованная вполне) в тот момент развилась чрезвычайно. (Именно поэтому забрасывать так человека – совершенная глупость, человек с гарантией всегда будет на подозрении.)

И вообще смысл засылки совершенно неясен. Какую пользу Совку Солоневичи могли принести за границей? Чего-то там развалить? Это в каком же качестве? Появление Солоневича – это просто новый голос, и совершенно неясно почему голос может хоть что-то весить. Во-первых, Солоневич – для эмиграции фигура совершенно неизвестная, никаким изначально авторитетом не пользующаяся (это

В 1939 году в Париже представляются Главе Российского Императорского Дома, Великому Князю Владимиру Кирилловичу, Юрий Иванович Солоневич и Иван Лукьянович Солоневич (крайние справа). Пятый справа - руководитель Российского Освободительного Национального Движения барон Александр Меллер-Закомельский (печатается впервые).

вам не высланный Солженицын). Вторых, о достоинствах Солоневича как публициста вряд ли кто-то имел представление, ибо в Совке он ничего, кроме физкультурных методичек, не писал. В-третьих, разваливать там было совершенно нечего.

Эмигрантские организации были признаны чекистской агентурой сверху донизу, но были и кристально-чистые гепеушные подставы: «младороссы», «союз возвращения на родину» и др.

Был РОВС – в высшей степени достойные люди, но как организация – комбинация клуба боевых друзей (союз ветеранов-афганцев) с отделением ГПУ в Париже. Контрразведка – это люди типа Скоблина и Эфрона. Диверсионная работа в России – сплошная провокация. К концу 30-х РОВС практически перестал действовать, и Солоневичи тут ни при чем.

Вообще за границей мужик занимался в основном яростной антисоветской пропагандой, что для советского агента довольно нетипично.

«Россия в концлагере» пробил лед в эмигрантской печати (и вообще мировой) – до этого описание Совка были исключительно умильные. «В то же время никаких новых данных, ни для западной публики, ни тем более для эмигрантского читателя, в книге не было.» Да-да, как же. Всё строго наоборот. Это был мощнейший пропагандный выстрел, Архипелаг ГУЛАГ, первая серия, хотя и пожиже. А кто был в этом заинтересован? Уж вряд ли большевики.

«После покушения Иван Солоневич спешно уехал из Болгарии в Германию, где пробыл до окончания войны. О его жизни в этот период известно мало – очередной пробел». Чем Солоневич занимался в Германии – написано очень много. Не зачтено.

«Вытаскивают из нафталина провонявшего «Алексея Михайловича» – полупролетарского деспота трёхсотлетней давности, и требуют перед ним расшибать лоб вместо оплётанных европейских царей 18-19 вв.»

Мерзость, мерзость. Собственно, вот это и есть самое главное, ради чего и писано. Отношение Солоневича к русским царям прямо следует из славянофильской традиции, согласно которой Пётр и Екатерина оцениваются крайне низко, а московские цари до-петровской эпохи и все цари 19 века, начиная с Александра Первого – высоко или очень высоко. Похоже, Галковский не знает, что Алексей Тишайший был любимым героем Царя Николая II, образцом для подражания, и Цесаревич был назван в его честь.

Это невежество объяснимо, ведь Галковский нигде не учился. Счи-

тается, что он окончил вечернее отделение философского факультета, но что такое философский факультет советского вуза? Партийная школа, лумумба. То есть высшего образования нет. Перед нами типичный самодельник, «интеллектуал», не знающий ни одного иностранного языка и не владеющий элементарной логикой.

Среднее образование тоже весьма сомнительно: по его признанию, в школе он был хулиганом.

По Галковскому: всё сделали англичане. По Солоневичу: англичане были как минимум в курсе, содействовали, но переворот совершала российская политическая и военная верхушка, они и виноваты. В отличие от огромного большинства эмигрантских деятелей Солоневич как раз свободно рассуждает и о роли англичан в Феврале и о роли немцев в Октябре. Единственное – он предлагает не сваливать на них больше необходимого. Для англичан это была чужая страна, для русской элиты – якобы своя.

Потому что в сущности это не имеет большого значения: сама российская верхушка сошла с ума или англичане ее настроили – элита задачи своей не исполнила и Россию погубила.

Для меня всё понятно. Достаточно сравнить злобное шипение и скульбу «философа» и спокойную интонацию «мужика». Чтобы составить своё мнение, Солоневича надо читать. Это очень оптимистическое чтение, такой тональности в русской публицистике 20 века больше нет ни у кого. Не советское бодрчество мертвяков, а голос живого человека со здоровыми инстинктами.

Галковский же вполне заслужил почетное звание «Гнилоуста Русской Сети». Он полагает, что Солоневича проталкивает КГБ. Что бы было, если бы это было так? Примерно вот что:

- «Единая Россия» включает положения штабс-капитанского движения в программные документы;
- В школах начинают изучать «Народную Монархию»;
- В Москве, Петербурге, Гродно, Киеве и Одессе появляются улицы Солоневича и памятные доски;
- По «Двум Силам» снимают многобюджетный телесериал;
- «Наши» устраивают двухнедельный лыжный поход в Карелии по маршруту побега Солоневичей.

К сожалению, Кремль для этого недостаточно острёр. Многие прекрасно смотрелось бы на кумаче. Например, «Русский национализм без православия есть логическая нелепица. И. Солоневич».

СПб

СТЕПАН ПЛЮШКИН

Киноактёр «отец Иоанн»

В одном из апрельских номеров петербургского еженедельника «Панорама» (популярное издание, печатающее программу телевидения) я увидела репортаж под названием «Один день из жизни «заговорщиков». Репортаж был снабжен выразительными фотографиями: офицер с Георгиевским крестом на груди, сестра милосердия, длиннорылый «батюшка», держащий в руке стакан чаю...

Оказалось, что публикация посвящена съемкам телефильма «Заговор» режиссера Стаса Либина. Фильм рассказывает о последних днях жизни Григория Распутина и должен уже летом выйти на экраны.

О художественных достоинствах этого кинопроизведения пока судить не могу. Впрочем, ненормально гиперболизированный интерес к личности Распутина в нынешнем российском киноискусстве уже сам по себестораживает... (А ведь сколько по-настоящему достойных русских исторических деятелей остаются в стороне от внимания кинематографа!) Но речь не о таланте режиссера, а о тех, мягко говоря, диких «крючках», которые так и цепляют читателя.

Итак, в роли Государя Императора Николая II (автор репортажа почему-то не сподобился написать титул с прописной буквы) выступает актер Ярослав Иванов. На лице этого (может, и хорошего) артиста, запечатленного на репортажной фотографии в образе «государя», вы не увидите ни малейшего следа высокого духа, интеллекта и душевной боли. Такова же и «государыня», которую «преподносит» зрителям Кристина Орбакайте – известная в РФ эстрадная певица. Справедливости ради скажу, что Кристина – безусловно, актерски талантлива, но в образе Святой Государыни смотрится куда как нелепо. И в довершение всего самый жесткий «крючок» – Иван Охлобыстин, играющий «старца».

Еще не так давно этот человек вполне успешно подвизался на ниве режиссерской и сценарной деятельности, и был на сем поприще довольно самобытен. Но пару-тройку лет назад его почитатели узнали, что Ваня Охлобыстин стал... священником и ныне именуется «отец Иоанн». Ситуация для нынешней российской территории довольно распространённая – десятки бывших «физиков», «лириков» и представителей прочих профессий приняли в Московской Патриархии сан и стали церковными служителями.

Наверно нет смысла объяснять читателям «Нашей Страны», что православный священник и лицедейство – понятия несовместные. А вот патриархийное духовенство, похоже, об этом не догадывается: как отмечено в репортаже, «отец Иоанн» взял для съемок в фильме... благословение Патриархии! И, наконец, сам факт телевоспроизведения трагедии Царственных Мучеников – не есть ли факт кощунства, пошлости и издевательства над нашим прошлым?

СПб

Марина Кротова

К "ОБЕЛЕНИЮ" БОЛЬШЕВИЗМА

«Наша Страна» неоднократно выявляла и осуждала попытки в РФ создать какую-то ложную и мифическую атмосферу «примирения». Тут и перезахоронения, праздники, и формулы о «двух правдах», т. е. честных противниках, которые в конце концов встретились и по-братски обнялись. Все в прошлом! Помирились! Сообща движемся к светлому будущему! И пожалуйста не «воршите старое» (любимое выражение). В награду за это, тем эмигрантам которые считают себя «белыми», бросаются кости, как цепной собаке, чтобы помалкивали и радовались тому, что их считают за людей и даже хвалят за что-то.

В какой-то степени и вся история с унией может вписываться в этот макросценарий. А что если это тщательно продуманная провокация? Идеологические наследники советского режима понимают, что их деды, отцы и они сами - в неоплатном долгу у народа, за все совершенные преступления и издевательства. Чтобы избежать обвинений и выйти чистыми из моря преступлений, необходимо что-то извратить, что-то запутать и создать картины примирений и покаяний. Сплющить полвека преступлений до нескольких лет, а несколько этапов злодеяний против народа и России свести к одной схватке, самой ранней, и поэтому наиболее поддающейся манипуляции.

Созданы-ли экспозиции военного коммунизма, раскулачивания, ежовщины, расправы с населением оккупированных областей, с бывшими военнопленными, репатриантами и пр. и пр.? Нет ничего такого и даже никто не оправдывается, что, дескать, нет средств или сил. Просто об этих темах не принято упоминать ни в СМИ, ни в школьных учебниках. Я считаю, что мы, пока еще живы и свободны, должны эти вопросы постоянно затрагивать, к ним возвращаться. Брошенные нам кости можно глотать, но никак не добрая и не забывая все другие раны.

Можно такие дебаты прокрутить в печати, вот мол, есть такие разговоры, хотят «воршить старое», и вот доводы против...

А что если это действительно будет разоблачением каких-то стратегических замыслов направленных к «обелению», очищению большевизма и нынешних его адептов от вины за всю трагедию России!? Примириться с «белыми» и всё в порядке! Отсутствие коллективной исторической памяти у русского народа - феноменально. Поэтому, в дополнение к опровержению тезиса, что с «белыми» уже нет никакой вражды, нужно конкретно указать, напомнить о других кампаниях за уничтожение России. Это можно оформить, как своего рода «счет», который русский народ может представить большевикам и их сознательным последователям сегодня. Народная память тут не поможет, нужны конкретные указания, факты, статистика. В литературе эмиграции таких материалов предостаточно. Нужно их найти и затем систематически публиковать, по легкому воспринимаемым и запоминаемым кусочкам.

Пользу такого мероприятия трудно переоценить.

Сергей Зауэр

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ

ЭПАТАЖ ГАЛКОВСКОГО

Галковский вздумал нападать на самых разных людей – недавно вот напал на Витте и Столыпина. И Солоневич стал очередной жертвой. Он вообще последние года 2-3 стал сильно чудить, заявляет, что все подделано и т. д., а на «конспирологии» у него и всегда был вывих. Все, кто ему не нравится, обычно зачисляются в «шпионы».

Это очень жаль, потому что сильно дискредитирует всё то хорошее, что он пишет. Была у него например, отличная статья о советской юстиции, а в конце – Стучка (один из создателей советского законодательства, которое рассматривало юстицию не как орган защиты закона, а как инструмент КПСС)... латвийский шпион!

Но в печати этого мало, а в его «Живом журнале» на интернете, смотрю, - сплошной эпатаж идет. Видимо, кроме обычной склонности к «конспирологии», тут есть мотив роста «рейтинга» за счёт скандальности и «оригинальности взгляда».

Москва

С. В. Волков

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18 сентября 1948 года Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактор: Николай Казанцев. Электронная версия: www.nashastrana.info Адрес редактора: Nicolas Kasanzew, 9195 Collins Avenue, Apt.812, Surfside, Fl. 33154, USA Телефон: (305) 322-7053 Цена годовой подписки: В Аргентине

- 100 песо. В Европе - 52 евро. В Австралии - 74 ам. долл. В Канаде - 65 ам. долл. В США и остальных странах - 52 ам. доллара. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Переводы на: Bank of America, 5350 W. Flagler St. Miami, Fl.33134, USA. Account: 003670135535. Routing: 026009593 Мнения авторов не всегда выражают мнение редакции. При перепечатке ссылка обязательна.

NUESTRO PAIS. L. Kasanzew, Casilla de Correo 27, Suc. Lomas de Zamora, 1832 Pcia. Bs. As. Argentina. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Editor: Miguel Kireeff. Представители: в США - N. Tkachov, 1450 20th Ave, San Francisco, Ca. 94122 USA. Во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Редакция имеет право сокращать полученные материалы. Электронный адрес: nikasanzew@hotmail.com